

«ЭТА РОЛЬ НАЗНАЧЕНА МИХАЙЛЕ СЕМЁНЫЧУ»...

Как Тургенев и Гоголь роли для Щепкина писали

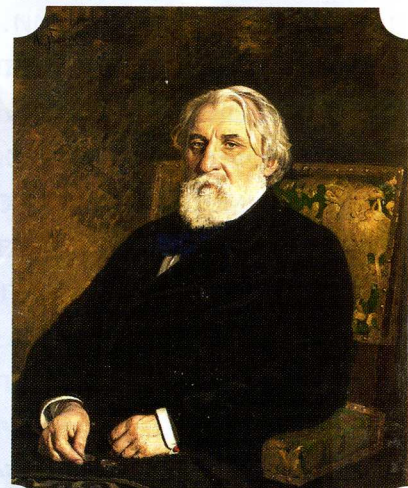

Если отправиться из Белгорода до Москвы на автомобиле, то неподалёку от Орла можно заглянуть в старинное село Спасское-Лутовиново. Село, где прошли детство и юность великого русского писателя Ивана Тургенева, автора многих замечательных книг: «Записки охотника», «Ася», «Первая любовь», «Дворянское гнездо», «Муму»... А одно из своих произведений – комедию «Нахлебник» – Тургенев создал специально для своего друга, нашего земляка, актёра московского Малого театра Михаила Щепкина.

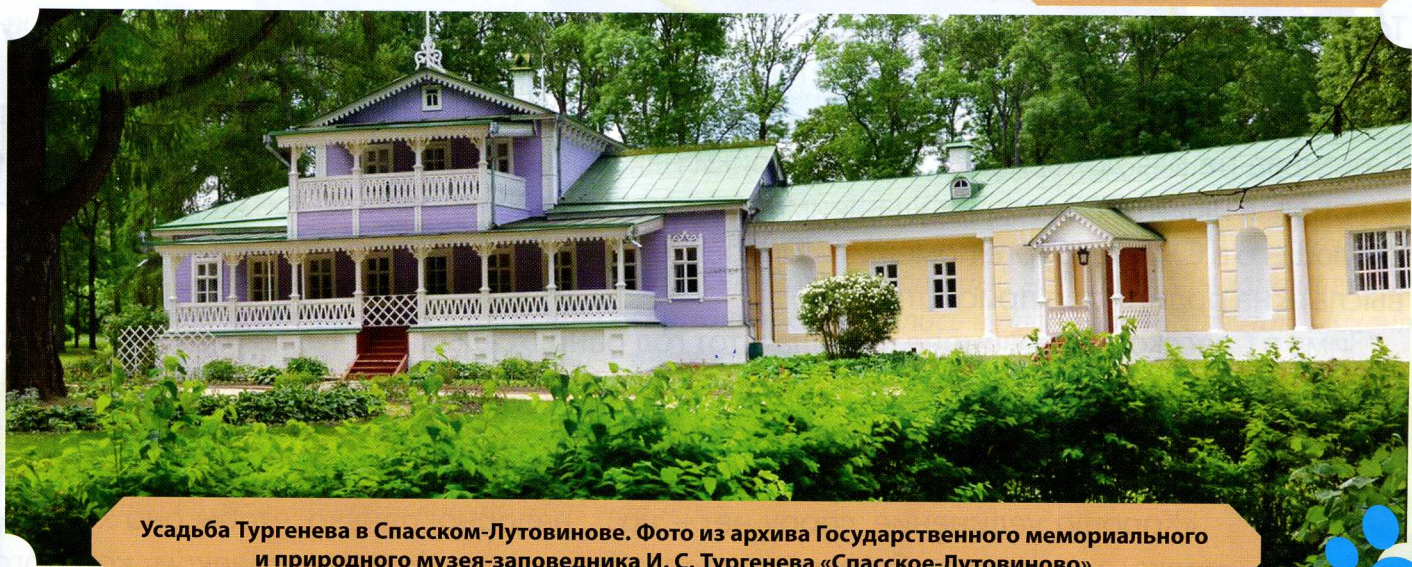
Дружба писателя и актёра

«Нахлебника» Тургенев заканчивал во Франции (он подолгу жил в этой стране) и в октябре 1848 года писал из Парижа Щепкину:

«Завтра отправляется в Россию наш соотечественник г-н Селиванов, любезный и почтенный Михайло Семёныч; он вам доставит первый акт моей комедии «Нахлебник»; второй я не успел окончить переписыванием – но как только кончу, немедленно отправлю по почте, так что, может быть, вы получите его в одно время с первым. Прошу у вас извинения за долгое отлагательство; желаю, чтобы мой труд вам понравился. Если вы найдёте достойным вашего таланта приняться за него – я другой награды не требую.

Картину «Портрет Тургенева» (1874) работы русского художника Ильи Репина можно увидеть в Государственной Третьяковской галерее в Москве

Усадьба Тургенева в Спасском-Лутовинове. Фото из архива Государственного мемориального и природного музея-заповедника И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново»

Прятели, которым я здесь прочёл мою комедию, – наговорили мне много любезностей по её поводу... Но как бы то ни было – лишь бы мой «Нахлебник» вам понравился и вызвал бы вашу творческую деятельность!

Боюсь я – не опоздал ли я немного... Впрочем, я отдаю вам своё произведение в полное распоряжение: сделайте из него что хотите. Как бы я был рад, если бы я мог присутствовать при первом представлении!»

И на первой странице комедии бисерным, но разборчивым тургеневским почерком было приписано: «Эта роль назначена Михайле Семёнычу, следовательно, мне прибавить нечего: он из неё сделает что захочет».

Большая дружба писателя и актёра богата страницами поистине замечательными. Вспомним ещё одну из них.

Однажды Щепкин привёл молодого Тургенева в дом на Никитском бульваре в Москве. Иван Сергеевич крепко пожал нежданно горячо ответившую ему руку Гоголя, услышал мягкий голос: «Нам давно следовало быть знакомыми...»

Потом этот голос читал «Ревизора»...

И вот роковая весть. И перо в руке Тургенева трудно, с болью выводит строки: «Гоголь умер! Какую русскую душу не потрясут эти два слова?! Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертью, называть великим...»

Офорт Валентины Даниловой и Олега Дмитриева (1951) «Гоголь читает комедию «Ревизор» писателям и артистам Малого театра. 1851 год». Слева от Гоголя – Михаил Щепкин

«Выслать на родину под присмотр»

Столичной цензуре давно не доводилось читать подобного. Что за тон?... И потом это слово «великий» о сочинителе, о малороссийском мелкопоместном дворянине Гоголе-Яновском... Санкт-Петербургский цензурный комитет немедленно запретил публикацию. Тогда Тургенев передал статью московским друзьям, и им удалось поместить её в «Московских ведомостях» в виде письма из Петербурга за подписью «Т...в».

Вскоре автора смелой статьи взяли под стражу и водворили в тюрьму. Из-за стены до Тургенева не раз доносились стоны и крики наказываемых в соседних камерах барских холопов. 3 июня 1852 года государь император высочайше повелеть соизволил: «жительствовавшего в С.-Петербурге помещика Орловской губернии Ивана Тургенева заслушав, выслать на родину под присмотр»...

Зима в Спасском-Лутовинове пришла в тот год рано. Усадьба утонула в глубоких снегах. Иван Сергеевич старался забыть в работе – настойчивой, ежедневной; он создаёт повести «Постоялый двор», «Два приятеля», начинает роман «Два поколения». Но тоска одиночества не отступает.

«Хорошо уединение, спору нет – но... надобно, однако, чтобы оно хоть изредка оживлялось беседой и столкновением с умным человеком, которого

любишь и которому веришь». «Ни музыки, ни друзей; да что? – нет даже соседей, чтобы скучать вместе», – сетовал он в письмах. И звал, звал к себе, хоть ненадолго, близких. Но друзья-литераторы не торопились в орловскую глушь. Тоскливо протекли ноябрь и декабрь. Ещё труднее январь и февраль 1853-го. И вдруг в мартовский солнечный полдень задорно зазвенел приближающийся колокольчик.

В чугунные ворота спасской усадьбы въехал почтовый тарантас. Иван Сергеевич зашел навстречу. И тотчас узнал утопающую в подушках тарантаса тучную фигуру, и полное смеющееся лицо, и большой старомодный картуз.

– Михайло Семёнович, дорогой вы мой...

Щепкин, обнимая и целуя Тургенева, с лукавым смехом осведомился:

– Что, вареники будут?

– Будут, – рассмеялся и Тургенев.

– Чтоб 130 штук было, меньше не ем...

Щепкину шёл уже 65-й год. Возраст брал своё. Но, узнав о тургеневских письмах из Спасского, он готов был тот же час собираться в дорогу. К несчастью, он не распорядился своим временем, вынужденный чуть ли не ежедневно играть на сцене. Но вот в начале марта по случаю поста и Пасхи театры закрылись почти на два месяца. И Щепкин отправился за 300 с лишним вёрст на почтовых к опальному другу.

В Спасском-Лутовинове он прожил целую неделю.

14 марта Тургенев писал в Москву литератору Павлу Анненкову: «...Комедию Островского «Не в свои сани не садись» прочёл нам на днях М. С. Щепкин, который приехал сюда в понедельник... Каков милый старик! Прочёл её он отлично, и впечатление она произвела большое... Я читал свой роман – и, сколько я могу судить, с успехом... Щепкину особенно понравились глава 9-я и 10-я... Он мне дал полезные советы, которыми я воспользовался».

В чтении, в живых разговорах летели вечера. Днём друзья много бродили заснеженными аллеями парка. Щепкин, грузно опираясь на тяжёлую палку, брал под руку Тургенева, который и здесь, в селе, не оставлял аристократических манер – одевался в изысканное лёгкое пальто и клетчатые панталоны, рука в кожаной перчатке сжимала модную чёрную трость...

Борис ОСЫКОВ

Из воспоминаний внука Михаила Щепкина:

«Гоголь был очень расположен к Щепкину. Оба они знали и любили Малороссию и охотно толковали о ней, сидя в дальнем углу гостиной в доме Михаила Семёновича. Они перебирали и обычаи, и одежду малороссиян, и, наконец, их кухню. Прислушиваясь к их разговору, можно было слышать под конец: вареники, голубцы, паленицы – и лица их сияли улыбками. Из рассказов Щепкина Гоголь почерпал иногда новые черты для лиц в своих рассказах, а иногда целиком вставлял целый рассказ его в свою повесть. Это делалось по просьбе Михаила Семёновича, который желал, чтобы характерные выражения или происшествия не пропали бесследно и сохранились в рассказах Гоголя. Так, Михаил Семёнович передал ему рассказ о городничем, которому нашлось место в тесной толпе, и о сравнении его с лакомым куском, попадающим в полный желудок. Так, слова исправника: «Полюбите нас чёрненькими, а беленькими нас всякий полюбит» – были переданы Гоголю Щепкиным. Нельзя утверждать, чтобы Гоголь всегда охотно принимал советы Михаила Семёновича, но последний всегда заявлял своё мнение искренно и без утайки...»

(По материалам журнала «Исторический вестник», август 1900 г.)

